

Когда они попали в этот мир, он ещё не стал местом взаимного пожирания; здесь ещё оставались люди. Однако странные правила двадцати миров сбивали их с толку. Иногда "учреждение по вкладам совести" сообщало, что они могут заложить своих "друзей" для получения кредита, а если не смогут вернуть, то использовать "друзей" как залог. В других случаях нажатие кнопки приносило миллион, но с различными затратами. Вскоре они столкнулись с правилом мира, гласящим, что доля правды не может превышать 20%, что делало невозможным доверять кому-либо.

Всего за день они были измотаны, а некоторые погибли, столкнувшись с границами человеческой природы.

В конечном итоге они стали свидетелями того, как люди на границах разных мировых правил пожирались, превращаясь в чёрный туман. В ужасе они сбились в кучу в заброшенной пещере.

Группа людей, желавших умереть, теперь боялась "жизни".

— Мы явно хотели покончить с собой, так почему теперь боимся смерти здесь? — спросил Третий, свернувшись калачиком.

Сначала они не понимали ужаса "смерти", но, увидев её в этом мире, осознали, что незнание рождает страх. Они не обладали достаточной психической силой, чтобы презирать взрослых или бросать вызов закону; они были просто невежественны.

Лишь один человек оставался спокоен перед лицом смерти, потому что действительно пережил её. Он был тем, ради кого группа по-настоящему хотела умереть.

Но, услышав плач полувзрослых детей, загнанный в угол Ши Чанфэн постепенно окутался мраком.

Это он предложил всем умереть вместе и привёл их в эту опасную ситуацию.

— Ты чувствуешь вину и хочешь защитить их? — спросил Цзянь Хуай.

— Почему ты остаёшься спокоен, увидев такой жестокий мир? — спросил юный Ши Чанфэн.

Цзянь Хуай не был равнодушен; даже увидев такой мир, он всё ещё чувствовал печаль.

На этот раз он глубже понял отчаяние Цзянь Боханя и Ши Чанфэна. Если мир действительно движется к концу, что должны делать обычные люди?

Через три дня у них начали проявляться признаки ассимиляции. Части, сопротивляющиеся миру, постепенно менялись, а принимающие энергию мира становились нормальными. Это заставило Цзянь Хуая осознать, что даже резонаторы сознания не были в безопасности в другом мире.

На шестой день, наблюдая за страданиями товарищей, Ши Чанфэн впал в сильный жар и потерял сознание.

Он был без сознания день и ночь. На седьмой день, очнувшись, он пах свежим снегом.

Он сказал всем:

— Давайте найдём путь назад. Будем искать место, через которое вошли. Возможно, ещё есть надежда. В конце концов, если уж умирать, то лучше на пути домой, чем в отчаянии.

Этот Ши Чанфэн был совершенно иным. Все видели слишком много странного в этом мире и признали его отличие. Они подтвердили, что это не изначальный Ши Чанфэн.

На вопросы Ши Чанфэн не возражал, сохраняя оптимистичный и сильный настрой, ведя их через бесчисленные трудности, пока они не вернулись в тюрьму, откуда вошли в этот мир.

В тюрьме этого мира не было разделения по полу или возрасту, и она была довольно опасна.

Ши Чанфэн верил, что раз вошли отсюда, то и выйти можно тем же путём.

На возвращение ушло три дня, за которые погибли ещё двое. Некоторые сомневались в идее Ши Чанфэна, но он отвечал:

— Кто не хочет идти со мной — не обязан. Смерть не самое страшное; страшнее не оставить

ничего после смерти. Наши товарищи погибли, и я надеюсь, их смерть принесёт не отчаяние, а мотивацию.

Ши Чанфэн был как маяк, бесстрашный, всегда находивший способ дать надежду в этом отчаянном мире.

Только Цзянь Хуай знал, что спокойный и уверенный Ши Чанфэн в одиночестве дрожал. Он часто спрашивал:

— Я правильно делаю? Мы действительно вернёмся домой?

Какой бы Ши Чанфэн ни был, его сердце было полно страха. Один превращал страх в саморазрушение, другой скрывал его, маскируя слабость силой.

— Я завидую другому Ши Чанфэну, — говорил Ши Чанфэн с запахом снега. — Он не боится смерти, а я ужасно боюсь. Каждая смерть передо мной причиняет долгую боль.

Кровавый Ши Чанфэн говорил:

— Я завидую другому Ши Чанфэну. У него есть то, чего мне не хватает, рождённое из защиты.

Они были одним человеком, но завидовали друг другу.

Наконец, они вернулись в реальный мир, но люди того мира больше не видели их. Видимым остался только Ши Чанфэн.

Последовало то, о чём говорил Старший Брат — один брат исчез, отвергнутый миром при попытке навестить семью. Они вернулись домой к ещё большему отчаянию.

Чтобы выжить, они вернулись в хаотичный мир. Кто бы мог подумать, что группа самоубийц в итоге будет вынуждена идти рядом с бездной, чтобы жить?

Успешно вернув всех в реальный мир, Ши Чанфэн не был отвергнут, а получил силу, став пользователем способностей.

После возвращения в хаотичный мир Ши Чанфэн столкнулся с обвинениями, и запах снега стал исчезать.

— Он скоро исчезнет, — сказал кровавый Ши Чанфэн. — Он рождён для защиты; это его единственная цель. Когда он не сможет защищать, то перестанет существовать.

— Дай мне взять верх, — сказал кровавый Ши Чанфэн. — Я всё это время следовал за ним бездействуя. Теперь я выиграю у него! Людей, которых он не смог защитить, защищу я!

Когда кровавый Ши Чанфэн перешёл границу мировых правил, два духовных тела разделились.

Тогда Цзянь Хуай понял, что у Ши Чанфэна две способности.

Защищающая способность — "пространственная связь", а кровавый Ши Чанфэн обладал силой сопротивления правилам. Когда он осознал, что некоторые правила не защищают важных для него людей, он внутренне восстал против них, обретя силу, названную им "разрушением".

Кровавый Ши Чанфэн создал железную решётку для защиты, но этого было недостаточно. Постоянно меняющиеся правила требовали корректировки его силы.

"Разрушение" решило остаться, позволив защитнику вернуться в реальный мир, где тот лучше подходил для защиты.

Но защитник опередил его, вернув "разрушение" в тело, заявив, что без защиты нет смысла.

Так "разрушение" оказалось в реальном мире, а по всему миру стали появляться феномены резонанса сознания. Его нашли государственные органы, и он вступил в Нулевую Команду.

"Разрушение" было самым способным, но отказалось быть лидером, сказав, что другой человек подходит лучше. Организация ошибочно решила, что он имел в виду Пэй Няньши, и выбрала того.

— Тьфу! — сказала "разрушение". — Если бы защитник не отсутствовал, до этого бы не дошло!

— У тебя плохие отношения с Пэй Няньши? — удивился Цзянь Хуай. — Я думал, вы сотрудничаете.

— Кто захочет с ним сотрудничать? — ответило "разрушение".

Со временем "разрушение" обнаружило, что в мире всё больше дыр. Оно чувствовало себя всё более бессильным.

Ночью "разрушение" схватилось за голову:

— Я не могу. Совсем не могу. Я не могу защитить мир; только он может!

Оно даже пыталось тайно связаться с защитником, но тот всегда отказывался.

Прошло три года. Когда Пэй Няньши был в другом мире, после ссоры Шань Гулань с Ши Чанфэном, он подошёл к Ши Чанфэну, раскрыв свой анализ резонаторов сознания и апокалипсиса, решив убить всех резонаторов.

Выслушав безумный план, "разрушение" широко ухмыльнулось:

— Да, я согласен. Мне всё равно, как погибнет мир; главное, что мне больше не нужно защищать товарищей.

Оно оглушило Пэй Няньши электрошоком, инсценировав его смерть.

"Разрушение" сказала защитнику:

— Если ты не выйдешь, я уничтожу этот мир.

Оно скрыло дело Пэй Няньши. Защитник, не понимая, решил, что "разрушение" хочет убить резонаторов, чтобы спасти мир, и занял тело, заперев "разрушение" в другом мире.

— Так вот в чём дело, — облегчённо улыбнулся Цзянь Хуай.

Он не мог принять, что Ши Чанфэн хотел убить товарищей и Нулевую Команду таким жестоким способом. Но на самом деле, "уничтожение Нулевой Команды" было стратегией "разрушения", считавшего, что защитник лучше подходит на роль лидера и сможет спасти мир.

Так "разрушение" добровольно стало духовным телом, заснув перед решёткой, молча охраняя бывших товарищей.

Время потекло снова, и Цзянь Хуай увидел себя глазами Ши Чанфэна.

В глазах Ши Чанфэна Цзянь Хуай казался слабым, жалким и беспомощным, единственным живым человеком в мире, выросшим в искажённой любви, всегда на грани срыва.

Когда Цзянь Бохань заставил Ши Чанфэна забрать Цзянь Хуая, тот понимал возможные последствия. Но он думал, что Цзянь Хуай особенный — находящийся между мирами, обладающий силой жизни, и мир, возможно, не отвергнет его.

Он решил рискнуть, чтобы спасти Цзянь Хуая и самого себя, когда-то не сумевшего спасти товарищей.

Вспоминая это, Ши Чанфэн сказал:

— Так это был ты. Я думал, ты маленький ангел, пришедший спасти меня.

Сцена исчезла. Защитник и Цзянь Хуай сидели в пустоте.

— Зачем ты забрал меня? — спросил Цзянь Хуай.

— Если оставить тебя одного в том мире, что с тобой станет? — ответил защитник. — Я шёл неверным путём. Не знаю, как выглядит правильный путь. Я лишь могу устранить один неверный вариант. Не отказывайся от мира и не иди моей дорогой.

Он обнял Цзянь Хуая:

— Прости, что привёл тебя в этот мир, но не смог дать тебе счастливый дом.

Цзянь Хуай оттолкнул его:

— Мне не нравится, когда ты говоришь "прости". Ни ты, ни Цзянь Бохань никогда не спрашивали, хочу ли я это слышать.

— Возможно, "прости" лишь прикрывает мою несостоятельность, — горько улыбнулся Ши Чанфэн.

— Нет, — покачал головой Цзянь Хуай. — Твоё "прости" всегда исключало меня. Твоё "для твоего блага" и "дать тебе счастье" никогда не включали меня. Ты не спрашивал, что для меня "благо" и "счастье".

Он продолжил:

— Цзянь Бохань говорил, что апокалипсис неизбежен, а во мне сила жизни и смерти. Всё, что он мог — заставить меня адаптироваться. Почему он не попытался использовать мою силу, чтобы предотвратить апокалипсис? Даже если я погибну, это лучше, чем такой исход.

— Ты говоришь, что не можешь дать мне "счастье", но знаешь ли, в чём оно? Моё счастье — реализовать предназначение моей силы! Даже израненным и обессиленным, это лучше, чем комфортно ждать смерти!

Сказав это, Цзянь Хуай вернул свой дух в состояние хаоса.

Ши Чанфэна пробудился и спросил:

— Что ты собираешься делать?

Цзянь Хуай расширил силу своей крови до бесконечности:

— Я "вижу" "людей", спящих в этом хаосе в прекрасных снах. Я хочу разбудить их!

<http://bllate.org/book/13781/1216477>